

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.1>

UDC 72.04(477.75)“9”
LBC 85.11

Submitted: 04.01.2022
Accepted: 25.05.2022

CAPITAL WITH EAGLES FROM LASPI

Vladimir P. Kirilko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In 1978–1980, during the excavations of a 10th–11th century’s house in Laspi, were found fragments of marl capital, which was decorated with eagle figurines. The aim of the study is reconstruction of this architectural detail and the introduction of the artifact into scientific circulation. *Methods.* The methodological basis of the studies is made up of a detailed description, graphic interpretation and formal-stylistic analysis of the fragments. The method of analogies is used in restoring of structural links and identifying of individual elements, which were completely or partially lost. *Analysis.* Among the surviving fragments all the main parts are represented. They do not fit together, but structurally and compositionally complement each other, which makes it possible to relatively reliably restore the original appearance of an architectural detail. The capital consisted of two zones and had exquisite carved decor. The relief images of the birds that supported the edges of the abacus are made with the utmost anatomical precision. The lower part of the artifact was decorated with four identical leaves of acanthus, which were made using the technique of a small tooth. Each of them was framed by an arch. *Results.* The capital is a unique piece of local stone sculpture of the 10th century, exact analogies of which are unknown neither in the territory of Crimea, nor over its borders. While it was making, the master could use an early Byzantine product as a sample, which was subsequently lost or has not yet been found.

Key words: Laspi, Byzantine art, stone sculpture, architectural decor, capital.

Citation. Kirilko V.P. Capital with Eagles from Laspi. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 6–20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.1>

УДК 72.04(477.75)“9”
ББК 85.11

Дата поступления статьи: 04.01.2022
Дата принятия статьи: 25.05.2022

ЛАСПИНСКАЯ КАПИТЕЛЬ С ОРЛАМИ

Владимир Петрович Кирилко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В 1978–1980 гг. при раскопках дома X–XI вв. в Ласпи были обнаружены разрозненные обломки капители из мергеля, которую украшали фигурки орлов. Целью исследования является реконструкция этой архитектурной детали и введение находки в научный оборот. *Методы.* Методологическую основу исследования составляют подробное описание, графическая интерпретация и формально-стилистический анализ фрагментов, в наибольшей степени способствующие раскрытию характерных особенностей лапидарного материала. При восстановлении полностью или частично утраченных структурных связей и идентификации отдельных элементов используется метод аналогий. *Анализ.* Среди сохранившихся обломков

представлены все основные части изделия. Между собой они не стыкуются, но структурно и композиционно друг друга дополняют, что позволяет относительно достоверно восстановить первоначальный облик архитектурной детали. Капитель была двузонной, имела изысканный резной декор. Рельефные изображения птиц, поддерживавшие края абака, выполнены с предельной анатомической точностью. Нижнюю часть изделия украшали четыре одинаковых листа мелкозубчатого аканта, каждый в арочном обрамлении. *Результаты.* Капитель является уникальным произведением местной каменной пластики X в., точные аналогии которому неизвестны ни на территории Крыма, ни за его пределами. При ее изготовлении мастер мог использовать в качестве образца ранневизантийское изделие, впоследствии утраченное или пока еще не найденное.

Ключевые слова: Ласпи, византийское искусство, каменная пластика, архитектурный декор, капитель.

Цитирование. Кирилко В. П. Ласпинская капитель с орлами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 6–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.1>

Введение. Византийские капители с изображениями животных принадлежат к числу сравнительно редко встречающихся произведений каменной пластики [17; 21, Taf. 30–32; 25; 22; 27; 15, с. 28–29, 47–48; 26, Taf. 55–62; 19, S. 143–166, Taf. 55–62; 24, p. 49–54, 77–79, fig. 8, 18, 110–128, 131, 133–136, 198–205, 213, 216, 221; и др.]. В Крыму они представлены единичными примерами [1, с. 25–27; 16, с. 135, прим. 2, рис. 46; 11, с. 316, рис. 1]. Целью исследования является реконструкция и введение в научный оборот малоизвестного изделия, разрозненные фрагменты которого были обнаружены в 1978–1980 гг. при раскопках дома X–XI вв. в Ласпи.

Методы. По мнению руководителя работ О.И. Домбровского, капитель «была украшена резными изображениями фантастических птиц или грифонов» [3, с. 531]. Е.А. Паршина, публикуя краткие сведения о результатах многолетнего изучения памятника, сообщает лишь то, что найдены «обломки капителей, украшенных листьями аканфа» [6, с. 321], хотя в коллекционной описи, составленной ею непосредственно в ходе раскопок, такой информации нет [7]. Остальная полевая документация экспедиции (дневники, обмерные чертежи, рисунки и фотоснимки), а также отчеты, которые могли бы способствовать идентификации артефактов, равно как достоверному определению исторического и культурного контекста лапидарного материала, до сих пор не выявлены [4]. Сами находки хранятся в Ялтинском историко-литературном музее.

На данном этапе исследований известны еще два варианта интерпретации этой архитектурной детали. А.Ю. Виноградов назвал изделие «коринфской капителью с изображе-

ниями орлов по углам», но предметно им не занимался [20, V 236]. С.Б. Сорочан также находку лишь упоминает, определяя ее как «фрагмент капители с изображением на углах звериных голов» [8, с. 95–96].

В настоящее время все уцелевшие части изделия тщательно изучены в натуре и обмерены, что позволяет не только соотнести каждый обломок с определенным местом архитектурной детали, но также получить общее представление о композиции и пластике капители. Методологическую основу исследования составляют подробное описание, графическая интерпретация и формально-стилистический анализ находок, в наибольшей степени способствующие раскрытию характерных особенностей лапидарного материала. При восстановлении полностью или частично утраченных структурных связей и идентификации отдельных элементов используется метод аналогий. Непреходящую ценность имеет накопленный многими поколениями исследователей опыт изучения подобных произведений искусства, представляющий собой критическое осмысление античного и средневекового культурного наследия, подкрепленное конкретными примерами.

Анализ. Поддается определению модуль изделия, который является основной единицей измерения при построении архитектурных ордеров [2; 5]. Его значение сообщает уцелевший большой фрагмент круглой колонки, завершением которой служила данная капитель. Верхний радиус фуста равен 12,7 см. Поскольку ордер принадлежит к числу сложных, этот размер соответствует $\frac{5}{6}$ модуля [5, с. 69, 76], а значит, величина последнего при переводе в метрическую систему мер долж-

на составлять 15,2 см. Согласно теории классических архитектурных форм, коринфская капитель обычно имеет высоту $2\frac{1}{3}$ модуля, причем ее абак в плане вписывается в окружность диаметром 4 модуля, что равно 35,6 см и 61 см соответственно [2, табл. XXV; 5, с. 78–80, табл. 19].

Вместе с тем нельзя не учитывать исключительно важные результаты исследований А.Л. Бертье-Делагарда, выделившего «характерные черты, свойственные вполне установившемуся византийскому стилю, сделавшему в этом отношении немало отступлений от античных правил». Сравнивая между собой архитектурные детали, найденные при раскопках Херсонеса, он пришел к выводу о том, что колонна становится приземистее, не имеет энтазиса и приобретает коноидальную форму. Причем сужение фуста кверху намного меньше классического и составляет около $\frac{1}{9}$ – $\frac{1}{10}$ нижнего диаметра [1, с. 23–24].

Убедительным подтверждением наблюдениям ученого является почти цилиндрический ствол ласпинской колонки. Учитывая изменения, произошедшие с коринфским ордером в византийское время, возможно получение дополнительных показателей, необходимых для реконструкции размеров исследуемой капители. Исходя из пропорций, обозначенных А.Л. Бертье-Делагардом, величина нового модуля колеблется в пределах 14,1–14,3 см. Следовательно, высота всего изделия и диагональ абак в среднем должны составлять примерно 33,1 и 56,8 см.

Небезынтересным является сравнение с другими капителями, украшенными рельефными изображениями животных. Особого внимания заслуживает одна из них, случайно найденная в Херсонесе. Хотя она и отличается своим скульптурным убранством, использующим вместо фигурок орлов протомы баранов, величина ее нижнего основания была абсолютно такой же, как и у ласпинского изделия, – 10 дюймов (= 25,4 см) [1, с. 26; 11, рис. 1, 25]. К тому же ее абак, имевший ширину 17 дюймов (= 43,2 см), четко вписывается в окружность диаметром 61 см, характерную для классических образцов. Высоту архитектурной детали автор обмерного чертежа не указывает, но, судя по масштабу, она (с астрагалом) была равна 13 дюймам (= 33 см), что в опре-

деленной степени сопоставимо с результатами, полученными согласно выводам А.Л. Бертье-Делагарда. Поскольку оба изделия композиционно и стилистически между собой достаточно близки, более того, имеют одинаковые модули, то с учетом изменения классических пропорций, произошедшего в византийское время, основные размеры ласпинской капители теоретически могут быть реконструированы следующим образом: диаметры оснований – 25,4 и 61 см, ширина абак – 43,2 см, высота – в пределах от 30,5 до 33,1 см.

Уверенно можно судить о завершении архитектурной детали. Абак представлял собой квадратную плиту с усеченными на углах краями и дуговыми в плане передней, боковыми и тыльной сторонами (соответственно, А, В, D и С), каждая из которых посередине имела прямоугольный выступ, оформленный в виде восьмилепесткового цветка.

Показательным является крупный обломок плиты (рис. 1, 3), принадлежавший средней части одной из боковых (В, D) или тыльной (С) сторон детали. По отношению к верхней плоскости лицевая грань изделия скошена под углом 79° . Нижняя поверхность в этом месте расположена почти горизонтально. Высота абак – 5,6 см. По направлению к краям она уменьшается.

Лепестки цветка остроконечные с продольными желобками, имеют разную форму и величину. Серединка круглая. Ближайшей аналогией украшению является розетка капители из мечети Альхама в Кордове, датированной IX в. [23, SM0621, fig. 7–10]. Остальной декор абак, симметрично располагавшийся справа и слева от изображения цветка, на фрагменте средней части плиты почти не сохранился. Вместе с тем относительно неплохо он представлен целым рядом других обломков архитектурной детали, которые позволяют уверенно определить его рисунок, размеры и характерные особенности. Использовалось всего два варианта орнаментального мотива, лишь немного отличавшиеся между собой.

Первый, имевший более сложную пластику, мог находиться на главной стороне (А) капители (рис. 1, 6; рис. 2, 2, 4–7). Образующие его стилизованные листики представляли собой однотипные плоские плас-

тины в виде параллелограмма с округлыми боками, плотно расположенные по отношению друг другу в один ряд уступами. Каждый из них наискось по длинной диагонали украшен треугольным в сечении желобком ладьеобразной формы, имитирующем жилку.

Второй вариант орнамента отличался от первого только отсутствием врезных жилок (рис. 1, 1–3). Вероятнее всего, он предназначался для боковых и задней поверхностей абака. Подтверждением вывода являются два сохранившихся угловых фрагмента плиты. На одном из них представлены обе разновидности декора (рис. 2, б), принадлежавшие сторонам А и В изделия. Между собой они разделены треугольной в сечении вертикальной выемкой, расположенной на торце абака посередине. Второй обломок, с частично уцелевшим задним краем завершения капители, демонстрирует применение на смежных фасадах исключительно упрощенной версии орнамента – в виде листьев без жилок (рис. 1, 1).

Внизу абак был обрамлен узким пояском, прерывавшимся лишь розетками. Его крайние участки в плане почти прямолинейные. Угол между ними на смежных фасадах равен 72° . Кривизна сторон плиты была менее выраженной, чем в классических образцах. Радиус дуги – 82,9 см. Размеры торца угловой части абака: ширина – 1,8 см, высота – 4,2–4,5 см.

Ближайшей аналогией декоративным элементам ласпинского изделия, являются так называемые чешуйки капителей, найденных при раскопках двух мангупских храмов – Большой базилики и церкви в Рогуз-Дере [10, рис. 10, 12]. Снизу они также обрамлены узким пояском и подобно второй, упрощенной версии орнамента не имеют диагональных углублений, имитирующих жилки. Другие образцы сходных растительных мотивов представлены целым рядом ранневизантийских изделий [19, Taf. 2, 11, 15, 25, 29, no. 9, 156, 198, 389, 395, 462; 12, с. 155, рис. 8; 14, рис. 27; и др.]. Показательный пример первого варианта орнамента, причем с достаточно натурально изображенными листиками, демонстрирует мраморная капитель V в. из раскопок базилики 1935 г. в Херсонесе [13, с. 50, ил. 9–10].

Края ласпинского абака снизу поддерживались одинаковыми фигурками орлов. На двух фрагментах частично уцелели верхние половины горельефов (рис. 1, 1; 2, б). Остальные обнаруженные обломки – мелкие, принадлежали третьей и четвертой скульптуркам, практически полностью утраченным (рис. 2, 1–3, 8, 9, 11–13). Птицы изображены с предельной анатомической точностью. Особое внимание обращают на себя глубокая эмоциональная наполненность и исключительная художественная выразительность изделий, а также тщательная проработка деталей.

Судя по лучше всего сохранившемуся фрагменту (рис. 2, б), голова орла примыкает к абаку затылком, без просвета над шеей. Клюв был направлен вниз. Надбровные дуги слегка приподняты и четко выделены, украшены изображением нитевидных перьев. Глаза большие и выразительные, имеют разрез, придающий им вид человеческих. Их формы правильные, с красивыми и упругими очертаниями век. Поверхность глазного яблока сферическая. Зрачок круглый глубокий, в сечении конусовидный, по отношению к центру немного смещен вперед. Отверстие аккуратно просверлено. Основание надклювья сверху обозначено уступом и украшено пятью прямыми штрихами.

Оперение представлено четырьмя видами перьев. Кроме гладкой манишки на грудке, выделяется покров головы и основной части тела. Перья на лбу и темени ромбические, одинаковой величины. Они расположены уступами со смещением относительно друг друга, равномерно заполняя всю поверхность. Каждое украшено тремя желобками – двумя в виде канта вдоль внешних боков и одним продольным посередине, имитирующим стержень. Подобную форму и пластику имеет также оперение основной части тела, отличается лишь более крупными размерами элементов. При этом два верхних ряда покрова по отношению друг к другу расположены без смещения, тем самым мастер четко разделил скрытые оперением части фигуры – голову и корпус. Верхний ряд перьев последнего находится на одном уровне с ушной раковиной. Поверхность между ним и нижним веком заполнена короткими вертикальными штрихами, имитирующими щетинки. Аналогично

выглядит также оперение бровей и основания клюва. Достоверных сведений о пластике полностью утраченных крыльев нет.

Представление о других деталях позволяет получить фрагмент второй фигурки орла (рис. 1, 1). Подклювье массивное широкое, своими очертаниями в плане сопоставимо с правильным треугольником. Сверху посередине четко выделяется площадка овальной формы с немного выпуклой и тщательно сглаженной поверхностью, изображавшая корневую и среднюю часть языка. Бугорок оконтурен мелкими углублениями и плохо сохранившимся бортиком. В нескольких местах кромки имеются различного рода прямолинейные насечки технологического характера, одна из которых, в виде полукруглого желобка, оставлена сверлом. Следовательно, клюв был приоткрыт, что придавало птице хищное выражение.

Уши относительно друг друга визуально находятся на разных уровнях, что, возможно, вызвано небольшим разворотом головы. Они имеют почти одинаковую форму, причем левое вплотную примыкает к краю абака, тогда как правое по отношению к нижней плоскости плиты расположено с зазором. Ушные раковины в виде полумесяца, пухлые. Слуховые отверстия конусообразные, разной глубины. В двух случаях, известных по другим фрагментам, они едва намечены (рис. 2, 1, 2).

Плечевой край левого крыла находится в 3,5 см от уха (рис. 1, 1). Он представляет собой сильно поврежденную небольшую округлую выпуклость с продольными желобками. На таком же расстоянии, но только с правой стороны фигуры имеется характерный скол лицевой поверхности, образовавшийся вследствие утраты второго крыла. Рядом с ним, спереди, наблюдается небольшая западина с изображением оперения, появление которой могло обуславливаться необходимостью придать рельефу большую выразительность. Судя по незначительной высоте уцелевшего выступа, крылья были прижаты к телу.

Фрагмент второй фигурки орла сообщает также дополнительные сведения о пластике перьевого покрова. Щетинки под левым глазом представлены в виде коротких прямых штрихов, расположенных в два ряда. На том же месте справа они уцелели только в районе

подклювья. Изображающие их бороздки длиннее, под наклоном отогнуты назад, нанесены более густо в один ряд. Перьевые пластины в нижней части головы слева, отличаясь от смежного с ней покрова тела меньшими размерами, под наклоном переходят на горло. Подобная ситуация, правда, менее выраженная из-за утрат, наблюдается также и с правой стороны.

Обращает на себя внимание обломок с изображением оперения, равномерно покрывающего сложнопрофилированную поверхность (рис. 2, 10). Поперечное сечение рельефа со стороны головы дуговидное, на противоположном конце оно уплощается. Граница между ними обозначена складкой, выпуклость которой в нижней части может быть отождествлена с краем бедра. Выступ сколот по ломаной линии, следовательно, примыкавшая к нему в этом месте утраченная часть детали должна была иметь зигзагообразную форму. Вероятнее всего, здесь находился побег зубчатого аканта, который закрывал собой стык между протомами. Существование подобного декоративного элемента подтверждается наличием овального скола на нижней плоскости абака, расположенного точно под розеткой (рис. 1, 3). Близкой ему аналогией является растительный мотив капители II в. из Национального археологического музея в Аквилее [18, AMAN071]. Композиционно с ним сопоставимо резное убранство ранневизантийской капители с орлами, экспонируемой в музее Афиона [24, p. 57, fig. 136].

Судя по сохранившимся фрагментам, эта деталь представляла собой однодольный акантовый лист с плоской поверхностью и зубчиками разной величины (рис. 1, 4, 5). В продольном направлении она слегка выпуклая, а ее середина отмечена прямолинейной выемкой с округлыми краями. Все кончики левой половины побега имеют треугольные в сечении широкие желобки, подобные жилкам абака. Правая сторона гладкая. Необычно выглядит верхняя часть детали. Она выделяется четко выраженной стрелчатой формой, чем отличается от обычно используемой в таких случаях трапециевидной конфигурации, и могла продолжаться стеблем, соединявшим ее с розеткой. Высота рельефа – 1,5–1,8 см.

Уверенно можно судить о пластике и декоративном убранстве нижней половины капители. Основным элементом композиции является многодольный лист мелкозубчатого аканта в арочном обрамлении, представленный одним крупным и несколькими маленькими фрагментами (рис. 3, 1–13). Лицевая поверхность левой половины основного обломка уцелела почти везде, тогда как его правая сторона сильно повреждена, а местами полностью утрачена (рис. 3, 5). Жилка парная, состоит из двух валиков, немного расширяется книзу. В верхней части посередине она заканчивается небольшим выступом с округлыми краями, обозначившим место отгиба центрального сегмента листа. Учитывая симметричность декоративного элемента и наличие четко выделенной вертикальной оси, остатки отдельных выемок на разрушенных участках дают возможность достоверно реконструировать недостающие детали. Сами углубления сначала были просверлены, затем стамеской им придавалась окончательная форма. Высота рельефа на этом уровне составляет около 1,4–1,7 см, выше она плавно увеличивается до 4,8 см, обуславливая наклон лицевой поверхности. В тех местах, где внешние углы зубчиков утрачены или сильно повреждены, на смежной с ними боковой кромке соседней доли листа (обычно дуговидной и без выступов) сохранились остатки перемычек, которые позволяют точно определить расположение сколотых элементов и воссоздать их первоначальный вид. Прожилки обозначены посредством криволинейных бороздок. Относительно основной оси они расположены несимметрично, хотя при этом весь рельеф, судя по уцелевшим выемкам между зубчиками, с обеих сторон имел почти одинаковые очертания.

То, как выглядел низ аканта, достоверно восстанавливается благодаря частично сохранившейся лицевой поверхности левого края листа и характерным сколам в местах примыкания к ней смежных элементов (рис. 3, 5). С другими подобными обломками она не стыкуется, но с ними сопоставима и взаимно дополняема. Из числа последних наиболее информативным является фрагмент с парной жилкой (рис. 3, 9), который вместе с остальными находками (рис. 3, 5, 7, 8) позволяет

получить практически полное представление о композиции орнаментального мотива. На этом обломке наряду с зубчиками аканта частично уцелела самая нижняя прожилка, имевшая обычный для данного элемента вид криволинейного желобка с плавно скругленными краями. Слева к этой прожилке зеркально примыкает аналогичное углубление и образует вместе с ней завершение небольшого остроугольного выступа, расположенного между ними. Внизу оно изгибалось по параболе, а затем симметрично трансформировалось в еще одну выемку, подобную той, что находилась справа, у двойного стебля. В результате левый край раппорта и, собственно, всего орнаментального мотива рельефа оказывался между соседними рамками. Следовательно, в пределах акантового листа умещалось три полных дуги, причем средняя состояла из двух половинок, разделенных жилкой. В упрощенном виде аналогичный декоративный прием используется в резном убранстве карниза из раскопок Мангупской базилики [12, рис. 10–11]. С нижней стороны волнообразная конфигурация прожилок везде дополнена треугольными в сечении выемками – двумя дуговидными вдоль кромок и одной вертикальной посередине.

Сверху рельеф выглядит как пучок ребристых валиков, изображавших адаксиальную сторону листа (рис. 3, 5). Они компактно выступают вперед, слегка отогнуты книзу. Отдельно сохранился еще один обломок этой части изделия, принадлежавший центральному сегменту (рис. 3, 6). С основным фрагментом он непосредственно не стыкуется, но композиционно с ним соотносим. Деталь довольно массивная, с упругими формами. В продольном направлении она дуговидно изогнута, уменьшается на конце. Ее поперечное сечение вписывается в правильный треугольник, сверху имеет ложбинку, скруглено на краях. Посередине находится стебель с изящным трехлопастным завершением и четко выделенными желобчатыми прожилками. С боков к нему симметрично примыкают смежные доли листа, представляющие собой короткие побеги с двусторонним расположением зубчиков и гладкой поверхностью. Углубления между ними треугольные, местами скругленные. Сначала они были просверлены, затем

посредством стамески с узким плоским концом приобрели окончательный вид. Обе передние выемки сквозные. Их отверстия с тыльной стороны круглые. По отношению к основной части самой детали сегмент выступал вперед примерно на 5,5 см.

Обрамление аканта фрагментарно сохранилось только около нижней доли листа (рис. 3, 5). Выше его местоположение прослеживается по характерным сколам рельефа, на основании которых внутренние очертания ободка (в виде половины окружности) реконструируются довольно точно. Высота и ширина самого декоративного элемента переменные, увеличиваются кверху. В поперечном сечении обрамление вписывается в трапецию: спереди оно полукруглое и имеет уплощенные боковые поверхности – слегка выпуклые по внешнему обводу и немного вогнутые с внутренней стороны.

Необычно оканчивался низ детали, представленный на этом фрагменте лишь сколотыми остатками горизонтального желобка и небольшой засечки у крайнего зубчика. Его утраченные части достоверно восстанавливаются благодаря нескольким другим обломкам капители. На одном из них, имевшем идентичное расположение поврежденных сколами элементов декора, первоначальные формы изделия сохранились полностью (рис. 3, 12). Часть детали, ограниченная сверху врезным ободком, предельно натурально изображает раздвоенное копыто. С внутренней стороны к нему примыкали зубчики крайней доли листа, с внешней – гладкая дуговидная поверхность зазора между двумя соседними композициями.

Противоположный край обрамления мог оканчиваться аналогично, свидетельством чему является еще один подобный фрагмент, правда, с полностью утраченной лицевой поверхностью (рис. 3, 13). Вместе с тем нельзя исключать вероятности того, что на других местах могли быть использованы иные, не менее экзотические формы. К числу последних стоит отнести крохотный фрагмент с тщательно проработанным объемным изображением звериной лапы, размеры которого сравнимы с величиной фигурки в виде копыта и составляли всего $2,7 \times 2,2 \times 0,9$ см (рис. 3, 14).

Учитывая симметричность композиции, ширина арочного обрамления поддается точ-

ному определению. Она равна 17,8 см. Следовательно, в нижней зоне архитектурной детали могло поместиться всего лишь четыре таких элемента, то есть капитель была четырехлистной. Своеобразными маркерами, позволяющими правильно расположить рельеф относительно вертикальной оси изделия, являются его наиболее заглубленные места, которые, согласно требованиям классических архитектурных форм, должны совпадать с поверхностью калатуса [2, с. 140–141, табл. XXV, рис. 41, 45, 49, 54; 5, с. 79, табл. 17, 19].

Византийские капители с мелкозубчатым акантом в арочном обрамлении принадлежат к малочисленной группе архитектурных деталей V–VI веков. Среди них нет ни одного образца с двузонной или четырехлистной композициями, равно как пластика их декоративного убранства ощутимо отличается от варианта, представленного ласпинским изделием [12, с. 155–165, рис. 8, 9, 17, 19; 21, Taf. 27, Nr. 443, 447, 449; и др.]. Более того, совершенно не известны также примеры подобного применения анималистических мотивов для украшения рамки.

По меньшей мере на четырех разрозненных фрагментах акантового листа местами сохранились сколы от примыкавшего к нему снизу еще одного декоративного элемента (рис. 3, 7–10). В сложных капителях там обычно находится вал астрагала, который часто полностью покрывался резным растительным орнаментом, образующим веночек из одинаковых листьев [21, Taf. 24–27, 30, 31, Nr. 478, 490, 494, 508; 9, с. 187–188, рис. 1–3, 5–10, 13, 14; 11, рис. 11; 14, рис. 4, 5; и др.].

Среди найденного при раскопках лапидарного материала выделяется обломок с почти полностью утраченной лицевой поверхностью, который вполне мог принадлежать этой части капители (рис. 3, 15). Фрагмент идентифицируется благодаря наличию кромки нижнего основания, двух просверленных углублений от сколотого резного декора и остатков соседнего элемента, примыкавшего к нему сверху. Диаметр вала – 5,5 см. Низ изделия плоский, равномерно покрыт мелкими желобчатыми выемками, оставшимися после чернового выравнивания поверхности камня. Место соединения вала и находившейся

выше части архитектурной детали четко выраженной линии стыка не имеет.

Поскольку сохранившиеся фрагменты верхней и нижней зон капители между собой нигде даже не соприкасаются, однозначно установить, как располагались рельефные изображения листьев аканта относительно основных сторон изделия, проблематично. Они могли находиться либо на ее поперечной и продольной осях – посередине фасадов, либо на диагоналях абака – непосредственно под фигурками орлов. Допустимы оба варианта композиции. Второй из них (рис. 4) является более вероятным. По крайней мере, в четырехлистных капителях подобное размещение аканта используется чаще всего, причем на крымских образцах оно представлено только в таком виде [21, Taf. 1–4, 17, 23, Nr. 9, 14, 19, 21, 22, 30, 31, 239, 240, 365; 10, рис. 10–12; 13, рис. 8–82]. К тому же при заданной расчётами предполагаемой высоте изделия (33,1 см, без астрагала) уровни нижнего края уцелевшей части обеих скульптурок и реконструируемой вершины арочного обрамления растительного орнамента между собой практически совпадают и оказываются на одной отметке.

Результаты. Восстановленные размеры архитектурной детали: диаметры оснований – 25,4 и 61 см, ширина абака – 43,2 см, высота – 38,6 см. Ласпинская капитель с орлами является уникальным произведением местной каменной пластики X в., точные аналогии которому неизвестны ни на территории Крыма, ни за его пределами. При ее изготовлении мастер мог использовать в качестве образца ранневизантийское изделие, впоследствии утраченное или пока еще не найденное.

БЛАГОДАРНОСТИ

Сердечно благодарю сотрудников Отдела археологии МБУК «Ялтинский историко-литературный музей» Н.Г. Новиченкову и К.В. Новиченкову-Лукичеву, оказавших мне неоценимую помощь при работе с лапидарными материалами из раскопок в Ласпи.

ACKNOWLEDGMENTS

I am sincerely grateful to the staff of the Department of Archeology of the Yalta Historical and Literary Museum Natalia Novichenkova and Kristina Novichenkova-Lukicheva, who gave me invaluable assistance in working with lapidary materials from the excavations in Laspi.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Фрагменты верхней части капители. 2021. Фото автора
Fig. 1. Fragments of the upper part of the capital. 2021. Photo by the author

Рис. 2. Фрагменты верхней части капители. 2021. Фото автора
Fig. 2. Fragments of the upper part of the capital. 2021. Photo by the author

Рис. 3. Фрагменты нижней части капители. 2021. Фото автора
Fig. 3. Fragments of the lower part of the capital. 2021. Photo by the author

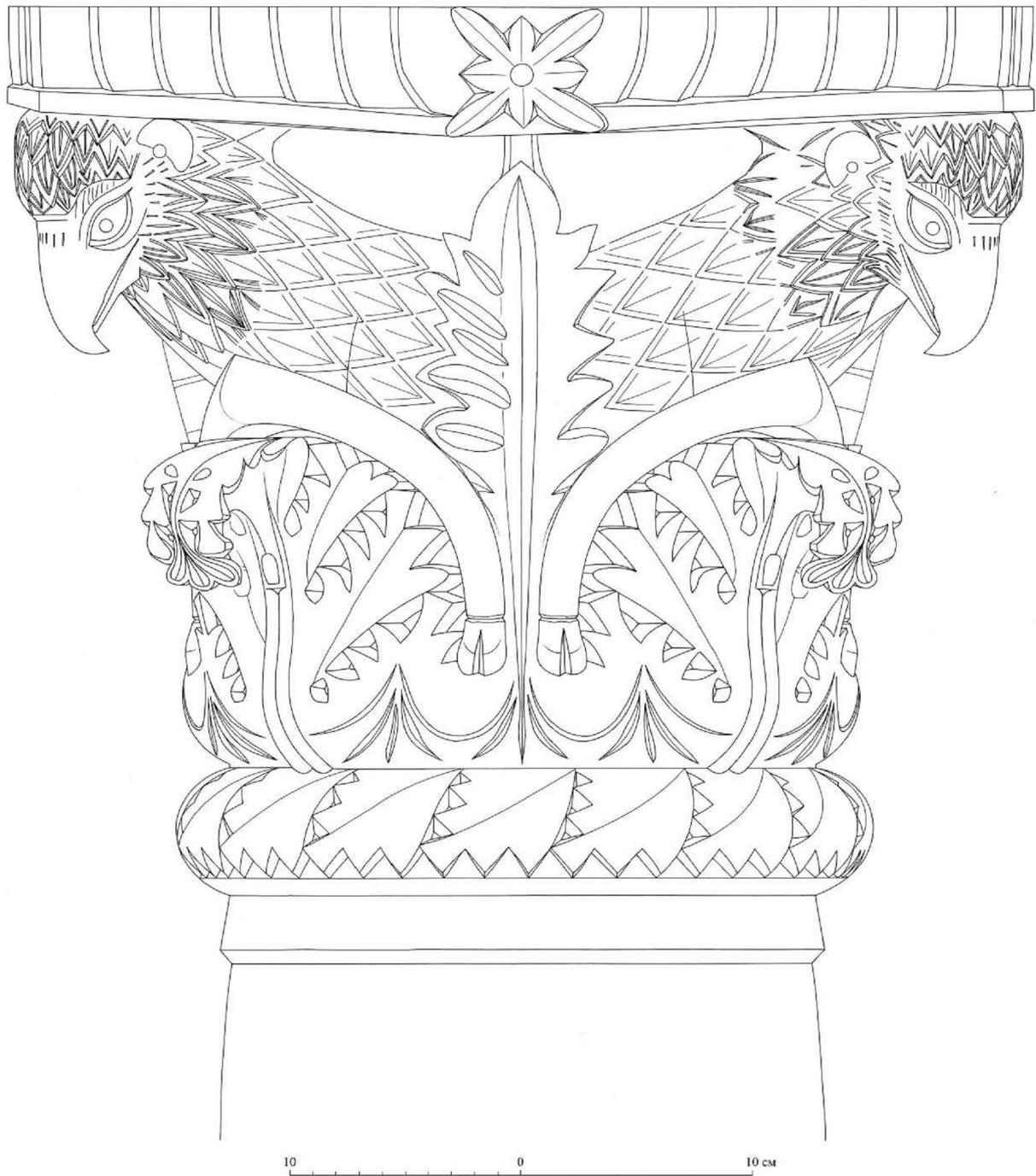

Рис. 4. Реконструкция капители. Вид сбоку (сторона В). Чертеж автора
Fig. 4. Reconstruction of the capital. View from the side (side B). Author's drawing

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертье-Делагард, А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса / А. Л. Бертье-Делагард. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1893. – 64 с. – (Материалы по археологии России ; № 12).
2. Виньола, Д. Б. Правило пяти ордеров архитектуры / Д. Б. Виньола, пер. А. Г. Габрического, коммент. Г. Н. Емельянова. – М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1939. – 168 с.
3. Домбровский, О. И. Средневековый Крым X–XV вв. / О. И. Домбровский // Археология Украинской ССР. Т. 3 / отв. ред. В. Д. Баран. – Киев : Наукова думка, 1986. – С. 518–535.
4. Кирилко, В. П. Ласпинская лапидарная коллекция / В. П. Кирилко // Материалы XVI Дмитриевских чтений. – Ялта, 2022. – (В печати).
5. Михаловский, И. Б. Теория классических архитектурных форм / И. Б. Михаловский. – М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1937. – 286 с.
6. Паршина, Е. А. Раскопки на городище Эски-Кермен и в урочище Ласпи / Е. А. Паршина // Археологические открытия 1979 года. – М. : Наука, 1980. – 504 с.
7. Полевая опись археологического материала из раскопок в урочище Ласпи 1976, 1977, 1978 // Научный архив Института археологии Крыма РАН. – Инв. № 219. – 44 л.
8. Сорочан, С. Б. К вопросу об облике городищ-полисов и «кастра племен» в окрестностях византийского Херсона во второй половине VII – первой половине IX в. / С. Б. Сорочан // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 2. – С. 91–100.
9. Хрушкова, Л. Г. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом: капители с тонким зубчатым аканфом / Л. Г. Хрушкова // Византийский временник. – 2011. – Т. 70 (95). – С. 174–191.
10. Хрушкова, Л. Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма / Л. Г. Хрушкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 2. – С. 137–162.
11. Хрушкова, Л. Г. Византийский мрамор Херсонеса Таврического: начало изучения / Л. Г. Хрушкова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2017. – Вып. 9. – С. 311–341.
12. Хрушкова, Л. Г. Об одном маленьком юбилее: изучение византийского мрамора в Херсонесе Таврическом / Л. Г. Хрушкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3 (69), № 2. – С. 147–168.
13. Хрушкова, Л. Г. Херсонес Таврический : Архитектурный декор «базилики 1935» / Л. Г. Хрушкова // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2017. – Вып. 9. – С. 41–70.
14. Хрушкова, Л. Г. Ранневизантийские капители из Херсонеса Таврического / Л. Г. Хрушкова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2019. – № 11. – С. 303–469.
15. Эффенбергер, А. Памятники византийской скульптуры из собрания государственных музеев Берлина : каталог выставки / А. Эффенбергер, А. В. Банк. – Л. : Искусство, 1982. – 48 с.
16. Якобсон, А. Л. Раннесредневековый Херсонес / А. Л. Якобсон. – М. ; Ленинград : АН СССР, 1959. – 364 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 63).
17. Bégule, L. Les chapiteaux byzantins à figures d'animaux; à propos de quatre chapiteaux découverts à Lyon / L. Bégule, E. Berthaud // Bulletin Monumental. – 1911. – Т. 75. – P. 199–211.
18. Capiteles del Museo Arqueológico Nacional de Aquileia. – Electronic text data. – Mode of access: <http://marcelodelcampo.blogspot.com/2019/08/capiteles-del-museo-arqueologico.html> (date of access: 16.09.2021). – Title from screen.
19. Dennert, M. Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie / M. Dennert // Asia Minor Studien. – Bonn : Habelt, 1997. – 230 S., 62 Taf. – (Asia Minor Studien ; Bd. 25).
20. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³). – Electronic text data. – Mode of access: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (date of access: 08.01.2021). – Title from screen.
21. Kautsch, R. Kapitellstudien: Beiträge zu einer Geschichte des Spätantiken Kapitells im Osten von vierten bis ins siebente Jahrhundert / R. Kautsch. – Berlin : W. de Gruyter, 1936. – 267 S., 52 Taf.
22. Kramer, J. Skulpturen mit Adlerfiguren an Bauten des 5. Jahrhunderts n. Chr. in Konstantinopel / J. Kramer. – Köln : W. Klekamp, 1968. – 111 S., 42 Abb.
23. Los cimacios de la Mezquita Aljama de Córdoba del siglo IX. – Electronic text data. – Mode of access: <http://marcelodelcampo.blogspot.com/2019/10/los-cimacios-de-la-mezquita-aljama-de.html> (date of access: 16.09.2021). – Title from screen.
24. Niewöhner, P. Byzantine Ornaments in Stone. Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings / P. Niewöhner. – Berlin ; Boston : W. de Gruyter, 2021. – 188 p.
25. Pinard, M. Les chapiteaux à béliers et à aigles de Damous-el-Karita / M. Pinard // Cahiers de Byrsa. – 1960–1961. – Vol. IX. – P. 37–76.
26. Zollt, T. Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr.: mit einem Beitrag zur

Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells / T. Zollt. – Bonn : Habelt, 1994. – xiv, 380 S., 62 Taf., [2] S., 51 Taf. – (Asia Minor Studien ; Bd. 14).

27. Παναγιωτίδη, Μ. Βυζαντινά κιονόκρανα με ανάγλυφα ζώα (πίν. 27–38) / Μ. Παναγιωτίδη // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. – 1972. – Τ. 6. – Σ. 82–129. – DOI: <https://doi.org/10.12681/dchae.810>

REFERENCES

1. Bertye-Delagard A.L. *Drevnosti Juzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa* [Antiquities of the Southern Russia. Excavations of Chersonesus]. St. Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1893, 64 p. (Materialy po arkheologii Rossii [(Proceedings on Russian Archeology); no. 12).

2. Vinola D.B. *Pravilo pyati orderov arkhitektury* [The Rule of Five Orders of Architecture]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuz. akad. arkhitektury, 1939. 168 p.

3. Dombrovskiy O.I. *Srednevekovyy Krym X–XV vv.* [Medieval Crimea 10th – 15th Centuries]. *Arkheologiya Ukrainskoy SSR. T 3* [Archaeology of the Ukrainian SSR. Vol. 3]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, pp. 518–535.

4. Kirilko V.P. *Laspinskaya lapidarnaya kolleksiya* [Lapidary Collection from Laspi]. *Materialy XVI Dmitrievskikh chteniy* [Proceedings of the 16th Dmitriev Readings]. Yalta, 2022. (in print)

5. Mihalovskiy I.B. *Teoriya klassicheskikh arkhitekturnykh form* [The Theory of Classical Architecture Forms]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuz. akad. arkhitektury Publ., 1937. 286 p.

6. Parshina E.A. *Raskopki na gorodishche Eski-Kermen i v urochishche Laspi* [Excavations at the Eski-Kermen Settlement and in the Laspi Natural Landmark]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1979 goda* [Archaeological Discoveries of 1979]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 504 p.

7. Polevaya opis arkheologicheskogo materiala iz raskopok v urochishche Laspi 1976, 1977, 1978 [Field Inventory of Archaeological Material from Excavations in the Laspi Natural Landmark 1976, 1977, 1978]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of Crimea of RAS], no. 219. 44 l.

8. Sorochan S.B. *K voprosu ob oblike gorodishch-polism i “kustra plemen” v okrestnostyakh vizantiyskogo Khersona vo vtoroy polovine VII – pervoy polovine IX v.* [On the Question of the Character of Settlements-Polisma and “Kustra Tribes” in the Vicinity of the Byzantine Cherson in the Second Half of the 7th – First Half of the 9th Century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean

Federal University. Historical Science], 2016, vol. 2 (68), no. 2, pp. 91–100.

9. Khrushkova L.G. *Prokonnesskiy mramor v Khersonese Tavricheskom: kapiteli s tonkim zubchatym akanfom* [The Marble from Proconnesos in Chersonesus: Capitals with Fine-Toothed Acanthus]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina Chronika], 2011, vol. 70 (95), pp. 174–191.

10. Khrushkova L.G. *Rannevizantiyskie kapiteli i drugie elementy arkhitekturnogo dekora iz YugoZapadnogo Kryma* [Early Byzantine Capitals and Other Elements of Architectural Decoration from South-West Crimea]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science], 2016, vol. 2 (68), no. 2, pp. 137–162.

11. Khrushkova L.G. *Vizantiyskiy mramor Khersonesa Tavricheskogo: nachalo izucheniya* [Byzantine Marble of Chersonesus: Beginning of the Study]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], 2017, no. 9, pp. 311–341.

12. Khrushkova L.G. *Ob odnom malenkom yubilee: izuchenie vizantiyskogo mramora v Khersonese Tavricheskom* [On a Small Anniversary: in Regards to the History of the Studying Byzantine Marbles of the Chersonesus]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science], 2017, vol. 3 (69), no. 2, pp. 147–168.

13. Khrushkova L.G. *Khersones Tavricheskii: Arkhitekturnyy dekor «baziliki 1935»* [Chersonesus: The Architectural Decor of the “1935 Basilica”]. *Voprosy vseobshchey istorii arkhitektury* [Questions of the History of World Architecture], 2017, no. 9, pp. 41–70.

14. Khrushkova L.G. *Rannevizantiyskie kapiteli iz Khersonesa Tavricheskogo* [Early Byzantine Capitals from Chersonesus]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], 2019, no. 11, pp. 303–469.

15. Effenberger A., Bank A.V. *Pamyatniki vizantiyskoy skulptury iz sobraniya gosudarstvennykh muzeev Berlina: katalog vystavki* [Monuments of Byzantine Sculpture from the Collection of State Museums in Berlin. Exhibition Catalog]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1982. 48 p.

16. Yakobson A.L. *Rannesrednevekovyy Khersones* [Early Medieval Chersonesus]. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1959. 364 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Proceedings and Research on Archeology of the USSR]; no. 63).

17. Bégule L., Berthaud E. Les chapiteaux byzantins à figures d'animaux; à propos de quatre chapiteaux découverts à Lyon. *Bulletin Monumental*, 1911, t. 75, pp. 199-211.

18. *Capiteles del Museo Arqueológico Nacional de Aquileia*. URL: <http://marcelodelcampo.blogspot.com/2019/08/capiteles-del-museo-arqueologico.html> (accessed 16 September 2021).

19. Dennert M. Mittelbyzantinische Kapitelle. Studien zu Typologie und Chronologie. *Asia Minor Studien*, Bd. 25, Bonn, Habelt, 1997. 230 S., 62 Taf.

20. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³). URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (accessed 8 January 2021).

21. Kautsch R. *Kapitellstudien: Beiträge zu einer Geschichte des Spätantiken Kapitells im Osten von vierten bis ins siebente Jahrhundert*. Berlin, W. de Gruyter, 1936. 267 S., 52 Taf.

22. Kramer J. *Skulpturen mit Adlerfiguren an Bauten des 5. Jahrhunderts n. Chr. in Konstantinopel*. Köln, W. Klekamp, 1968. 111 S., 42 Abb.

23. Los cimacios de la Mezquita Aljama de Cyrdoba del siglo IX. URL: <http://marcelodelcampo.blogspot.com/2019/10/los-cimacios-de-la-mezquita-aljama-de.html> (accessed 16 September 2021).

24. Niewöhner P. *Byzantine Ornaments in Stone. Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings*. Berlin, Boston, W. de Gruyter, 2021. 188 p.

25. Pinard M. Les chapiteaux à béliers et à aigles de Damous-el-Karita. *Cahiers de Byrsa*, 1960–1961, vol. IX, pp. 37-76.

26. Zollt T. *Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr.: mit einem Beitrag zur Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells*. Bonn, Habelt, 1994. xiv, 380 S., 62 Taf., [2] S., 51 Taf. (Asia Minor Studien; Bd. 14).

27. Panagiotide M. Byzantina kionokrana me anaglypha zōa (pin. 27–38) [Byzantine Capitals with Relief Images of Animals (pl. 27–38)]. *Deltion tēs Christianikēs Archaïologikēs Etaireias* [Deltion of the Christian Archaeological Society], 1972, vol. 6, pp. 82-129. DOI: <https://doi.org/10.12681/dchae.810>

Information About the Author

Vladimir P. Kirilko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, kir.vlad33@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>

Информация об авторе

Владимир Петрович Кирилко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, kir.vlad33@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>